

клеенная радужными денежными купюрами... Григорию Марковичу пришлось вызвать "скорую помощь", потому что он застал Светлану, когда она разрезала картину брата на ровные прямоугольники. Ни на какие вопросы она не реагировала.

Светлане сделали укол и увезли на Слободку в желтый дом. Там она некоторое время утверждала, что Пучкин написал ей три альбома стихов, что какая-то Гильза Михайловна на самом деле шпионка и возвращает слух для того, чтобы выведать у шоферов государственные секреты, и что учебник анатомии и физиологии за седьмой класс написан по ее, Светланиному, организму. Потом она успокоилась, перестала глотать канцелярские скрепки и к весне была выписана. Теперь в аркадийской аллее возле ученика Жени-Катова Григория Марковича сидела очень расплывшая женщина. Она часами не двигалась, ничего не говорила, а только рассматривала профили из черной бумаги на сером фоне. "Нарды" по наследству перешли к ученику. И статью о Жене Григорий Маркович подклеил к заголовку газеты "Таймс" и скромно вещал, что о нем, о Григории Марковиче, пишут вот и в заграничной прессе. Если возле него останавливались с пирожками или с мороженым, Григорий Маркович гневался, разводил руками и говорил:

— Зачем вы здесь кушаете? Здесь работает художник. Я могу умереть каждую минуту от ваших пирожков.

Андрей

Андрею не спалось. Он осторожно встал, стараясь не шуметь, подошел к балкону и приоткрыл дверь. Было тихо, как бывает обычно летней ночью. Эту тишину поддерживали и нежный свист сверчка, и шуршащие под слабым дуновением ветра деревья, и тихое посапывание малого в кровати. Скоро зрение привыкло к темноте, и он начал различать стол со скатертью, стулья, ковер на стене. На полу, на надувном матрасе, разметав одеяло и подушку, спала утомившаяся за ночь Надя.

Андрей осторожно открыл предательски скрипнувшую балконную дверь и вышел наружу. Вдохнув свежего пьянящего воздуха, он зажмурил глаза и засмеялся счастливым беззаботным детским смехом. Неожиданно ему пришло в голову, что не грех бы и одеться — не приведи господь, увидят соседи, как он голышом ходит по балкону; но было жаль уходить от этого приветливого шелеста листвы, чистого воздуха, и он просто присел на табурет, накрыв ноги какой-то тряпкой, лежавшей на велосипеде.

Постепенно веселье ушло, но ощущение глубокой тихой радости осталось. Андрей еще раз крепко вздохнул полной грудью и стал смотреть на улицу. Мысли перебегали бездумно с одного предмета на другой, но постепенно приняли общую направленность. Надо в конце концов разобраться, что же такое произошло, почему так резко изменилась жизнь? В последние дни было время подумать об этом, но он гнал от себя эти мысли, опасаясь, что холодная логика заставит изменить принятое решение. Видимо, время пришло только сейчас.

Он с детства не любил насилия. В лет пять за домом он обнаружил Генку с Сашкой, выжигавших горячей пластмассой муравьев. Андрей долго объяснял им, что "муравьям тоже больно". "Мы же краснопузики", — оправдывался Генка. "Они черных обижают, и кровь с людей пьют. Вот Сашку укусили". Сашка спускал носок и показывал красный прыщ на ступне. Но, видимо, все же в его словах было что-то такое, что заставило их устыдиться. "Мы больше их не жгем, — через два дня торжественно объявил Сашка. — Мы расковыряли пластмассу, и они снова построили себе дом".

Потом был случай с раком. Николай Павлович поймал рака и отдал его ребятам. Поскольку Николай Павлович был ни кем иным как его дядей, ребята дали подержать рака Андрею, хотя он был и самый младший. Недолго думая, Андрей подошел к реке и выпустил бедолагу.

— Ты что, сдурел? — кричал тогда Володька. — Он все равно не выживет, у него лапа перебита.

Остальные говорили что-то в этом роде. Он же упрямо, сквозь душившие его слезы, мотал головой. Выживет или не выживет рак, — в тот момент ему было все равно. Главное, чтобы животное не мучили. Душевное потрясение Андрея было столь велико, что он проплакал всю ночь. Видимо, из-за этого Славик, который был на четыре года старше, рос без отца и был очень самостоятельным, как-то задумчиво сказал ему: "А ведь ты пропадешь". Потом подумал еще немного и добавил: "А может, и нет, потому что батя у тебя капитан".

Да, батя у него был капитан, и это определило выбор, который он сделал. Впрочем, выбора никакого не было. Просто в десятом классе отец позвал его на кухню и осторожно спросил, куда он хочет поступать. Выслушав неопределенные ответы о школе милиции и о Водном, отец кивнул головой и вышел. Через неделю Андрей узнал, что будет поступать в "Вышку".

Наверное, за него просили. Во всяком случае, экзамены он сдал без труда, все-таки полгода занимался с учителем физикой и две недели — математикой. А может — просто повезло, по крайней мере, по физике.

Учиться сначала было тяжело. Оторванный от обычного уклада жизни, он не мог сразу сориентироваться, как найти новую кафедру, как достать книги из библиотеки, если еще нет курсантского билета. Постоянные наряды, и главное, не похожий на школьный принцип обучения тяжким грузом легли на плечи Андрея. Первая сессия прошла неудачно — две двойки из трех экзаменов. По истории он, правда, получил пять, а остальные два досдал через неделю, но Андрей чувствовал себя очень неуверенно. Родители тем временем уехали в далекий Вьетнам, отец пошел вверх по служебной лестнице, а он стал жить с братом, который только что закончил ту же "Вышку".

На втором курсе стало легче. Нарядов было меньше, к системе обучения Андрей привык, как и к собственной свободе. Нашлись и новые друзья (старые отбывали службу в армии), он стал ходить на экипажную дискотеку, пить водку, хотя больше нравились ликеры, — денег хватало. Появились девочки. Впрочем, с первой, Оксаной, он очень быстро расстался, а со второй встречался год. Уже через три месяца она заявила, что у них будет ребенок.

Это повергло его в нестерпимый ужас. Надо было ходить в какие-то консультации, где ее не принимали без матери, терпеть пренебрежитель-

ные взгляды медсестер в больницах. Все это продолжалось месяц. Неожиданно оказалось, что с ней было "все нормально", просто почему-то оказалась большая задержка.

После такой нервотрепки все светлое, что было в его чувстве, мгновенно улетучилось, но они встречались еще восемь долгих месяцев.

Когда мать приехала в отпуск, он был на третьем курсе. Она быстро уловила произошедшую с ним перемену и осталась дома, навещая отца лишь два раза в году. Впрочем, Андрей был только рад этому. Он порядком устал, да и об учебе не мешало подумать.

С третьего курса время полетело быстрее. Он и сам не заметил, как промелькнул третий, четвертый, заканчивался пятый. Перед уходом на практику он познакомился с Надей. Впрочем, "познакомился" — немного неверно, знакомы они были и раньше. Андрей давно ходил играть в теннис. В большой теннис. В парке был старый, потрескавшийся, заросший по краям травой асфальтовый корт. Андрей играл здесь с пятого класса. Вряд ли мать, давая ему десять пятьдесят на металлическую ракетку "Корт", подозревала, в какое глубокое увлечение это выльется. Не подозревал этого и сам Андрей. Но вот уже десять лет как он исправно ходил "постучать". Летом здесь собирался коллектив человек в двенадцать, а зимой оставались три-четыре неистовых фаната, в число которых входил и он.

За десять лет можно многого добиться. Андрей не стал лучшим игроком, но не было на корте человека, которого он бы не победил. В светлые минуты вдохновения он мог обыграть любого, впрочем, так же, как и проиграть, когда игра не шла.

Она появилась недавно. Андрей как раз уходил на практику после четвертого курса. Невысокая, с темными волосами, веселыми голубыми глазами, очаровательными ямочками на щеках, Надя понравилась ему сразу. Но своим здоровым крепким телом она ничуть не напоминала нарисованный им себе идеал — худой восковой манекенщицы.

Впрочем, тогда времени думать обо всем этом не было, он быстро ушел на пять месяцев, это был уже приличный срок, и мимолетно промелькнувший образ девушки не оставил в душе никакого следа. Да, пять месяцев — это срок. На практику отводится всего три. Если учесть, что Андрей ушел на два месяца позже, то можно понять, как тяжело пришлось по возвращении. Надо было ходить в деканат, доказывать, что ты сможешь сдать, а ночью сидеть и зубрить то, что остальные давно прошли. Но раз прошли, значит, и дорогу протоптали. На возникшие вопросы у всех всегда был ответ. Ребята подсказывали, к кому лучше идти сдавать

и какие вопросы кто любит. Андрей и сам удивился, когда за две недели он сделал и сдал все пять курсовых. Правда, времени на отдых не оставалось — через десять дней начинались экзамены.

Новый год он встретил с мамой и приехавшим в командировку отцом. Они посидели, выпили шампанского, съели все, что приготовила мама, посмотрели телевизор и легли спать. Скучно, но Андрею понравилось.

Потом четыре дня утомительного переписывания конспектов, и он оказался в том же положении, что и остальные. За одним исключением — он не ходил на лекции, а, следовательно, не мог претендовать на хорошее отношение, но это уже пустяки. Экзамены сдал все и сразу. После последнего — автоматики — Андрей шел и весело напевал Тарантеллу. Было приятно сознавать, что все препятствия позади, и впереди его ждет три недели безмятежного отпуска.

Эти каникулы ознаменовались еще одним событием — женился Василий, старший брат. За этим и отец приезжал — посмотреть невесту. Пока Андрей "грыз гранит науки", молодые подали заявление в ЗАГС и теперь усиленно готовились к свадьбе.

Свадьба ему не понравилась. Было много народу, почти все не знакомые ему сослуживцы брата; Василий плавал вторым помощником на "Коммунисте". Много шумели и пили. Про невесту же Андрей ничего не мог сказать — невысокая, если не сказать маленькая, красивая, закончила Иняз, а что за человек — кто же знает, надо время, чтобы что-то определенное сказать.

Родители были заняты свадьбой, обустройством молодых, и Андрей почувствовал, что ему снова предоставлена некоторая свобода. Впрочем, теперь она особенно была ему и не нужна. Годы "гусарства" прошли, и возвращения в "трясину" он не хотел. Андрей навещал старых друзей, играл в теннис.

В тот день они встали играть вместе случайно. Валера, игравший с Андреем, уже уходил, а остальные почему-то не хотели разбивать свои пары. Андрей стоял секунд тридцать и уже думал, что на сегодня ему ничего не светит, когда неожиданно Надя взяла со скамейки ракетку и вышла на площадку. Ему стало приятно. Захотелось показать себя хорошим игроком, и это ему удалось, он был в ударе. Сама Надя играла не очень, но здорово бегала. Лучше некоторых мужчин и, безусловно, всех женщин. Они выиграла три полусета и разошлись, довольные друг другом. Потом они еще несколько раз становились вместе, правда, результаты были поскромнее, но они считались сильной парой. Андрей уже начал было стро-

ить какие-то планы, но, увы, Надя была занята. Один раз за ней пришел парень, и по тому, как он уверенно обнял ее за талию, Андрей понял, что они встречаются давно.

Но нет — так нет, ничего страшного. Шло время. Андрей заканчивал пятый курс, после экзаменов его ждала практика. В ожидании судна он проводил время на пляже, даче и корте...

Но как-то уж так сложилось в то лето, что Надя с Андреем задерживались на корте дольше остальных. Не часто, но бывало. Домой им было по пути. Тогда-то Андрей и узнал, что она живет в общежитии, не очень далеко от его дома. Кроме того, ему стало известно, что она работает закройщиком в ателье. Ателье тоже было совсем рядом с его домом.

Как-то в воскресенье они заигрались до самого обеда.

— Мама, — всполошилась Надя. — А на толчок уже поздно.

— А что тебе надо купить? — поинтересовался Андрей.

— Да не купить, а продать, — Надя открыла сумочку и показала белую женскую рубашку. — Хозяин фиксированную требует, а заказов пока нет.

— Ох, и тяжкое дело. Я не могу заставить себя что-то на толчке продать. Один раз пришлось тельник, так столько страха натерпелся, — признался Андрей.

— Что ты, — улыбнулась Надя. — Я не смогу стоять. Так, по лоткам пройду. Может, кто купит.

У Андрея появилась идея.

— А сколько ты хочешь за нее?

— Долларов девять. Можно за восемь, если совсем уж ничего.

— У меня друг на толчке работает. Можно ему показать.

Надя, не колеблясь, достала из сумки рубашку и, положив в кулек, протянула ему:

— Держи.

Он взял, немного подумал и предложил:

— Давай пойдем ко мне, я ему позвоню и сразу тебе скажу ответ.

Она согласилась — время поджимало.

Никакого друга на толчке у Андрея не было. Пока Надя сидела на табуретке в коридоре, Андрей тихо отвел мать в другую комнату и показал рубашку.

— Тебе нравится?

Мать внимательно осмотрела изделие.

— Сколько стоит?

— Девять долларов.

— Беру. Скоро у Веры день рождения, я ей подарю.

(Вера — жена Василия.)

Для вида Андрей позвонил кому-то из друзей и условился о встрече в четыре.

— Ну все, — сказал он Наде, когда они вышли из дома. — В четыре я уже буду более или менее знать, что и как. Как мне тебе сообщить?

— Но он ведь не сразу продаст.

— Может, он сам сразу купит, если вещь ходовая. Давай завтра после обеда?

— А с утра нельзя? Мне деньги надо завтра сдавать.

— Нет, с утра я на дачу. Хотя подожди, — Андрей сделал вид, что его осенила идея, хотя к этому и вела вся его интрига, — я же могу тебе в общагу занести.

Надя заколебалась.

— Может, лучше назначим время?

— Если бы я знал, когда я от Валерки освобожусь!

(Вот это чистейшая правда.)

— Но нас очень трудно найти.

Он задумался.

— Я могу сейчас пойти с тобой и посмотреть.

И она сдалась. Почему-то хотелось верить, что этот парень сможет решить ее проблемы, хотя, честно говоря, какая надежда может быть на то, что продавец с толчка сразу купит вещь, пускай даже хорошую?

Общага была недалеко. И хотя Андрей знал свой район досконально, он действительно не нашел бы ее в этом нагромождении общежитий. Сразу четыре на таком пятачке. Да еще в каждое вход со своей подворотни.

Возвращался Андрей окрыленным. Но пока он дошел домой, здравый смысл взял верх.

— Она ведь встречается, — бубнил на ухо мерзкий голос.

— Ладно, — сдался возле дома Андрей. — Я ведь просто отдам деньги — и все.

В шесть часов он зашел в общежитие и отдал деньги. Ее радости не было границ. Вместе с соседкой, полной девушкой лет тридцати, попили чай и сыграли пару партий в клуб. Домой Андрей пришел грустный.

Прошел месяц. Судна все не было. Надя уехала к родителям во Львов. Один раз мать спросила Андрея:

— А где та девочка, с которой ты приходил как-то с корта?

— А что? — удивился он.

— Просто очень хорошая девочка.

Этот разговор озадачил Андрея. Дело в том, что мать и Надя не сказали друг другу кроме "здравствуйте" ни одного слова. Тем более он придумался, когда на Верины именины мать подарила ей золотые сережки вместо купленной и неизвестно куда канувшей рубашки.

Под лежачий камень вода не течет. Надя приехала через неделю. К этому времени у него был готов новый план.

— Мне бы пиджачок на свадьбу.

— А что, пора?

— Главное пиджак, а девушек у нас хоть пруд пруди.

Подобрали материю, взяли размеры, и теперь Андрей раз в три дня приходил на примерку. В ателье к нему привыкли, даже здоровались по имени.

Все произошло внезапно. Ру вернулся! Руслан был большим другом Андрея. Он вернулся с практики и сразу позвонил. Договорились встретиться в городе.

— Только давай с мамзелями. Я соскучился по женскому обществу. До пяти я себе чего-нибудь найду, могу и тебе захватить.

Андрей знал, что это не бахвальство — Ру действительно пойдет и найдет себе девушку за два часа.

— Не надо, я думаю, я приду не один. Только давай в шесть.

— ОК.

Он был уверен, что Надя согласится, если только у нее нет срочной работы. Так и случилось. Встретились на площади Победы. Сели в кафе "Снежинка" и стали, по выражению Руслана, "приводить себя в состояние, когда не стыдно показаться в экипаже". С ним была девочка, лет шестнадцати. Тоненькая и стройная, она напоминала Андрею олененка.

Ру был на подъеме, говорил почти все время один, много удачно шутил. В девять часов поехали в экипаж. Надя почти не пила, но Андрей, не смотря на то, что не пропустил ни одной рюмки, не чувствовал никакого хмеля. В десять Надя вышла позвонить; Андрей стоял у будки.

— Нет, Ира, нет, — слабо доносилось до него. — Не надо звонить. Я там больше не бываю.

Последняя фраза насторожила его. Она может обозначать что угодно, и все же...

Одиннадцать. Экипаж. Очередной медленный танец. В зале полумрак, много дыма. Андрей крепче прижал Надю. Не сопротивляется. Тогда медленно, чувствуя, как бешено заколотилось сердце, он наклонился и нашел

ее губы. Надя ответила. За столик они вернулись другими людьми. Ру грустно смотрел на Андрея:

— А моя мадам совсем плоха.

Действительно, девочка не рассчитала сил— у нее их и быть не могло, — свалилась от усталости и алкоголя и сейчас спала на двух стульях, свесив ноги, накрытая чьим-то пиджаком.

— Пошли, поговорим, — потянул Андрея Ру. — Мне ее надо доставить в кубрик, а сам я ее не донесу.

— Зачем она тебе такая?

— Во-первых, она проснется утром. А во-вторых, куда я ее дену?

— Отвези домой.

— Дудки. Сама завтра доедет.

Вдвоем они перенесли безжизненное тело в кубрик Ру.

— Ну что, счастливо вам, — зевая, проговорил хозяин, когда операция была закончена.

— Давай, до встречи.

До вокзала шли пешком. Часто останавливались и целовались. На вокзале сели в тройку, и троллейбус медленно покотился по пустому городу. Едва сев, Надя заснула, склонившись к Андрею на плечо. Он нежно гладил ее руку и касался губами затылка.

Через неделю Андрей ушел в рейс. Получилось долго — семь с половиной месяцев. От бездеятельности и однообразия плавильсь мозги. Хотелось выйти на палубу и поковылять на луну. Здесь первый раз в жизни Андрей подрался. Сильно никто никого не побил, но до самого конца не мог отделаться от жгущего чувства стыда.

На седьмом месяце тоска по дому была такой сильной, а замкнутое пространство в сто восемьдесят железных метров так тяготило, что временами ему казалось, что он сходит с ума. Видимо, так и было.

Помогла случайность. Когда он, по обыкновению, после обеда лежал на кровати и думал, что бы почитать, взгляд натолкнулся на нетолстую книжечку в зеленом переплете. Это Евангелие привезли миссионеры из Франции. Андрей нерешительно открыл ее. Первую главу читать не стоило. Итак: "Когда же Иисус родился во Вифлеме"...

Он прочитал за поем "Святое благовествование от Матфея" за четыре дня. Дальше пошло чуть тяжелее, события повторялись, но за три недели он одолел все книги "Нового завета". Чувство, которое он после этого долго испытывал, можно сравнить с чувством глубокой радости и умиротворения. Ему казалось диким, что он мог ударить другого человека и вооб-

ще желать другому зла. Ведь действительно, нет в мире больше истины, чем "возлюби ближнего своего". Пусть бога нет, но какая глубокая истина в этих немудреных заповедях, в этой глубокой вере в торжество добра. Правда, через неделю злые мысли снова начали посещать Андрея, но он старался гнать их от себя.

Последние две недели перед сменой были особенно тяжелыми — потому, что точно никто не знал, будет она или нет. Андрей нервничал, и даже поругался с боцманом. Это событие снова повергло его в уныние, и он даже мысленно перед ним извинился, хотя, если честно, то неправым Андрей себя не считал.

Но все в жизни заканчивается. Когда Андрей приехал домой, мать очень хорошо отзывалась о Наде: "Молодец, сама себе дорогу пробивает и никогда не унывает". Еле дождался шести часов. Когда он громко постучал в ее комнату, и Надя открыла дверь, то от волнения он вздохнул и не сразу смог выдохнуть. Андрей замер на пороге, забыв, что нужно войти, позабыв обо всем на свете. Надя сама порывисто подбежала к нему и крепко обняла. "Наконец-то". Этим единственным словом она выразила все долгие томительные дни ожидания, когда некуда себя деть, и бессильно сами собой опускаются руки.

За семь месяцев Андрей пропустил ни много, ни мало, а госэкзамены и защиту диплома. Пришлось сильно наверстывать. Но в конце июня он сдал госы, а второго июля прошла защита. Он снова был свободный человек. Но, правда, это была не та свобода. Раньше он неразрывно был связан с училищем, которое уже гордо именовалось академией, — после определенного промежутка времени надо было снова возвращаться к учебе; теперь же ему предстояло рвать эти связи и налаживать новые.

Пока готовился диплом, Андрей каждое утро шел в академию, сдавал книги в библиотеку, форму на склад, подписывал бегунок. После обеда заходил к друзьям или домой, вечером к Наде. Родители купили новую квартиру специально для него. Это тоже было очень кстати.

Однажды ночью Андрей неожиданно для себя спросил Надю: "Тебя не тяготит наше неопределенное положение?". Надя подняла голову от подушки и положила руку ему на грудь: "Как сказать... Лучше, конечно, ждать мужа, чем парня".

Андрей решил поговорить с родителями. Он думал, что они попросят подождать полгодика, пока он устроится на работу, может, сходит в первый рейс, но мамин ответ ошеломил его: "Конечно, давайте. Давно пора". Отец был не менее категоричен: "Чем скорее, тем лучше. Надо, чтобы ты

женился, пока не взяли на работу, а то потом будет некогда". Так неожиданно все и завертелось. Через неделю они подали заявление. Ждать надо было месяц. Отец уехал к себе, мать с братом были заняты ремонтом, и свадьбу пришлось готовить им вдвоем.

Сперва Андрей быстро, в какие-то два дня, рассчитался с училищем. Потом надо было искать платье, помещение, транспорт, фотографа, тамаду, кинокамеру, заказывать торт, цветы, писать приглашения... Некоторые вопросы решались легко, как, например, с фотографом и кинооператором, некоторые потребовали хороших усилий. Особенно трудно было найти зал и платье.

Месяц пролетел хлопотно — незаметно. Последний день был самый напряженный. Неожиданно возникла проблема с микроавтобусом, водителя грозили забрать возить какое-то начальство, и он до самого вечера не был уверен, сможет приехать или нет. Так же внезапно отказалась стричь парикмахер, причину отказа так и не поняли, и, наконец, надо было возить продукты повару. Ложась спать, Андрей не мог отделаться от томно-сладкого, и, в то же время, пугающего ощущения, что завтра что-то в его жизни круто изменится. Он лег один — Надя подгоняла платье. На кухне родители готовили пирожки.

День начался неудачно — то ли они что-то недоговорили, то ли бабка дурная попалась, но она испуганно вертела головой от Андрея к Наде и приговаривала: "А что вы сказали? Ничего вы не сказали. Придете — не придете, а мне цветы рвать". Подходящих же на базаре для букета невесты не было. "Пошли пока стричься", — предложил Андрей. Через полчаса, пока она сидела в кресле, Андрей вернулся и начал выбирать сам. Мямлить он не любил, поэтому за неимением желтых роз купил большой красный букет. "Невесте очень понравится", — уверяла продавщица, заворачивая букет.

Но букет невесте не понравился. Может, дело было и не в нем, но, посмотрев на громадный ярко-красный шар в его руке, она быстро отвернулась и вдруг зарыдала. Андрей первый раз видел, как Надя плакала, и растерялся, но быстро нашелся и прижал девушку к себе. Решили, что он съездит на Соборку и купит новый. Всю дорогу в машине Андрей раздумывал, как непредсказуемы женщины. Сам же он, по выражению парикмахера, был спокоен, "как удав".

А дальше все прошло как по маслу. Все приехали вовремя, на церемонии почти не ждали. За столом было очень весело. Может, оттого что было мало народа, и почти все — молодежь. К двенадцати начали разъезжаться. Они так устали, что брачной ночи у них не было.

Через неделю Андрей пошел в пароходство. Оформление тянулось долго, почти полтора месяца, но он и не торопился. Наконец он сдал все экзамены, подписал все бумаги и получил зеленое удостоверение. Теперь надо было ждать судна. Оно появилось через месяц. Один из старых отцовских друзей взял его к себе.

Первое время было очень тяжело. Он многого не умел. По ночам снились кошмары. Несколько раз Андрей просыпался и не понимал, где он, что с ним, почему он спит на вахте, и куда идет судно? Через три месяца это ушло. Он научился главному — глядя на радар, в картинку с десятью целями, различать опасные и возможные варианты отворотов без угрожающего сближения с другими судами.

Рейс на этот раз затянулся еще больше. Когда минул восьмой месяц, Андрей опять почувствовал, что больше он не может. По утрам долго лежал в кровати, с тоской глядя на минутную стрелку, ожидая, когда придет время идти на вахту. Появились странности. Один раз он ушел с мостика, захватив с собой журнал. Другой раз долго пытался открыть капитанскую каюту своим ключом. По вечерам опять хотелось выть волком. Вместо этого Андрей ходил и тихо напевал "Вьется в тесной печурке огонь", "Ой, цветет калина". Народ пил беспробудно, поговорить фактически было не с кем. В поисках занятий он опустошил судовую библиотеку, ходил в бассейн, спортзал. Но это уже слабо помогало. Положение осложнилось тем, что Надя была беременна на девятом месяце, и Андрей непременно хотел успеть домой до родов.

Однажды, перебирая вещи в своей сумке, Андрей увидел книгу в красной обложке, широкого формата. Он попытался вспомнить, что это за книга и откуда, но не смог. Лишь когда достал и прочитал название "Роза Мира", вспомнил.

За день до отхода к нему пришел Валера. Он ушел одним из первых и уже успел вернуться. Большими друзьями они не были, но относились друг к другу хорошо. Валера был большим искателем, интересовался буддизмом, мусульманством, христианством. С его подачи Андрей прочитал книгу о дзен-буддизме. Книга ему понравилась, хотя просто как познавательная.

— Уходишь? — спросил Валера. Андрей как раз собирал сумку.

— Да.

Они сели пить чай, мельком поглядывая телевизор. Там шло какое-то интервью.

— А вы верите в Бога? — спросил диктор толстяка в очках.

Отвечающий поднял глаза:

— Да. Во что-то высшее, управляющее всеми законами, я верю.

— Вот чувшь, — рассердился Валерка. — Не может прямо сказать: "Я верю в Бога". Нет, надо ему как-то так, что, дескать, верю, но не в того, что вам старушки рассказывают, а в высший, научный разум.

— А ты веришь? — Андрей внимательно смотрел Валерке в лицо.

Тот выдержал взгляд:

— Да.

Это короткое "да" сказало Андрею много. Неожиданно он рассказал, как в рейсе читал Евангелие, какой след оставила эта книга. Валера слушал внимательно, не перебивая. Под конец рассказа он вышел в коридор, вернулся со своей сумкой, достал из нее две книги и протянул Андрею:

— На, читай. Другому не дал бы, а тебе надо.

Первую книгу Моуди "Жизнь после смерти" Андрей прочитал сразу, до отъезда. Впечатление было потрясающее. Идея существования Бога вошла в его сознание. Если бы у него было время подумать, то неизвестно, до каких глубин он бы дошел. Этому помешал отъезд и рейс. Вторая книга лежала теперь перед ним.

С трепетом от предчувствия избавления от скуки на несколько дней раскрыл Андрей "Розу Мира".

Первые двадцать страниц показались ему неинтересными. Лишь отсутствие какого-либо занятия да Валеркин авторитет заставили его продолжать. Но дальше! Книга поработила его. Андрей забыл про сон, про еду, про работу, рейс. Все то, что тихо, подобно маленькому ручейку, пробивало себе дорогу в его мировоззрении, вдруг хлынуло рекой, прорвавшей плотину. Да, так и только так может быть. Разбросанные в беспорядке кусочки мозаики вдруг сложились в единую прекрасную картину мира. Андрей чувствовал, что в нем происходят процессы необратимые и глубокие, удивлялся, как другие этого не замечают.

А другие действительно ничего не замечали. Только Серега второй как-то заметил: "Что-то ты все время улыбаешься. Пожалуй, тебе домой пора".

"Глупый, — думал Андрей, — ты и не знаешь, что есть на свете "Роза Мира", что ты живешь среди даймонов и ангелов, игв и демонов".

Но прошло несколько дней — и ему опять захотелось домой, опять брошенное кем-то неосторожное слово будило в нем вспышки ненависти. И тут Андрей начал понимать смысл изречения, прочитанного когда-то в книге о дзен-буддизме: "Для просветленного горы перестают быть горами, реки реками, камни камнями. Но проходит немного времени, и горы

опять становятся горами, а камни камнями". "А я даже не просветленный", — думал он.

Прошло две недели. Пришла телеграмма — Надя родила сына. Спрашивали, согласен ли назвать Владимиром. Он не возражал. По такому случаю был большой стол, пили много водки. Андрей держался и сильно не пил. Вообще, большой радости он не чувствовал.

"Смена". Это слово тихо вылетело из радиорубки, поднялось на мостик, понеслось, разливаясь вширь по каютам, и докатилось до подвала. Родовались все, даже те, кто не хотел ее и говорил, что "работать нужно, пока работается".

Дома отдыха не получилось. Маленький трехмесячный комок требовал кормления, гуляния, зарядок, прививок, в общем, всего того, чем так наполнена жизнь малышей. Андрей, накопивший большой потенциал физических сил, но уставший психически, тем не менее, с радостью окунулся в заботы. На время он забыл о Розе Мира и обо всем светлом, что вошло в него с этой книгой. Но однажды раздался телефонный звонок.

— Привет, — Валера, как всегда, излучал оптимизм. — Как дела?

— Хорошо, — обрадовался Андрей.

Договорились встретиться возле дома в кафе. Андрей взял с собой книги.

— Ну как? — поинтересовался Валера.

Андрей собрался с духом и неожиданно разразился целой речью о том, что он пережил после прочтения "Розы Мира".

— Ого, — только и сказал Валера. — Мне, пожалуй, и учить-то тебя нечему. Сам кого хочешь можешь заразить своей верой.

— Ну почему? — смутился Андрей. — Ты ведь тоже веришь.

— Верю. Да только меня не тянет выйти на улицу и проповедовать первому встречному. Вот в чем дело.

Андрей был вынужден согласиться, что Валера прав. Мысли, бурлившие в голове, прорывались через край. Ему действительно хотелось выйти на площадь и кричать: "Люди, послушайте...". "Какой, человек, — показалось, скажет ему уверовавшая толпа. — Да это посланник Божий". Он тут же смутился и покраснел, как будто кто-то мог подслушать эти мысли.

Они поговорили еще полчаса, уже о своих житейских делах и проблемах.

— Пока, — сказал на прощанье Валера. Потом посмотрел внимательно, хотел что-то добавить, но не решился.

Эта встреча всколыхнула сознание Андрея. Ему казалось, что он что-то должен непременно сделать, куда-то идти, что-то рассказать. Но что?

Рассказывать кому? Два последующих дня он был задумчив и не в меру рассеян. Ложась спать вечером во вторник, он решил, что должен непременно бросить плавать и стать учителем, рассказывая детям о близком приходе Розы Мира и обо всем, что с этим связано. Но в глубине сознания слабо стучала мысль, что для этого нужно еще пять лет учиться, а даже если не учиться, то все равно на пути встретятся препятствия, которые он не сможет преодолеть, потому что нет в нем истинной одержимости, которая ломает все. Нет твердой уверенности, что именно этот путь и никакой другой предназначен для него. А семья? И, в конце концов, есть ли у него талант воспитывать детей?

Ночью он неожиданно проснулся. Светящийся циферблат часов показывал два десять. Было очень темно. Нади он не видел, лишь слышал ее ровное тихое дыхание рядом. Неожиданно он сел. Новая мысль озарила его. Теперь он знает, что делать.

Андрей тихо встал, взял небольшой рюкзак, с которым они ходили на базар, и начал собирать вещи. Так, пару смен белья, старое теплое одеяло, свитер, кепку. Теперь на кухню. Раскладной нож, несколько яблок, груш, бутылку воды. Все. Нет, на всякий случай паспорт и немного денег. Теперь все. Если что не взял, то это уже неважно.

Он шагал по ночному городу, и на душе у него было легко и весело. Да, он пойдет по стране. Может, месяц, может, два. Сколько выдержит. На примере узнает, как живут люди, приобщится к вере. Он не заметил, как дошел до поля, где заканчивалась восточная часть города. Здесь, за стеклянными дверями НИИ, он посмотрел на красные цифры часов: четыре десять. Андрей умышленно пошел вправо, по границе города и поля. Если так идти, то часа через полтора будет школа-интернат, а возле нее есть телефоны. Школа стояла с краю частного сектора, но как бы внутри пяти больших новых дач. Их хозяйева, а точнее, их псы, следили, чтобы местные хулиганы не ломали телефоны, и Андрей частенько пользовался этими телефонами, когда ходил с ребятами на поле.

Он позвонил домой, когда начинался рассвет, и багровое зарево уже заливало нижнюю половину небосклона. Сказав что-то маловразумительное ничего не понимающей со сна Наде, он быстро повесил трубку. Потом вздохнул и уверенно зашагал к солнцу, прочь от города.

Андрей бродил уже три недели. Он узнал это сегодня у церкви. Какая-то бабка, не в меру словоохотливая, сказала другой, что сегодня "четырнадцатое, год как умерла Валерия". Он сильно изменился — щетина сделалась жесткой и начинала становиться настоящей бородой. Волосы спе-

реди сильно отросли и падали на глаза, мешая видеть. Кожа на щеках начала шелушиться, то ли от ветра, то ли от недостатка витаминов.

Подавали ему мало, впрочем, он сильно и не усердствовал — еще стеснялся. Старался избегать городов — там могли взять как бомжа, либо побить нищие. Кроме того, в деревне больше садов и полей, где всегда можно чем-то поживиться. Самым надежным было просить дачников и курортников — они давали, чтобы поскорее отвязаться и не портить себе выходные. Мылся он в речках, возле поливных кранов пустующих дачных участков; там же стирался.

Очень тяжело было первую неделю. Рюкзак украли на третий день, и он остался ни с чем. Лишь гордость и упрямство, а может, и еще что-то, что он сам толком не понимал, удерживали его от того, чтобы бросить все и вернуться. Потом стало легче. Душа немного очерствела и как бы покрылась коркой, сделавшись нечувствительной к брани и хамству. Некоторые встречи вспоминал с юмором, хотя смешного было мало. Особенно вспоминалась одна, четыре дня назад. Он решил срезать лесом, заблудился, проплутал больше суток, и все это время почти ничего не ел. Ночь была холодной, и он очень плохо спал. Утром им овладело отчаяние, идти уже не мог, впрочем, скорее не по слабости, а из-за уныния. Но когда взошло солнце, пригрев застывшие конечности, Андрей как-то незаметно успокоился, поднялся и пошел, как говорится, куда глаза глядят. Часа через четыре он начал выбиваться из сил, к тому же все сильнее давал знать о себе голод. Но Андрей продолжал упрямо идти, хотя понимал, что лучше все-таки остановиться и передохнуть. Но его пугало это бездействие, когда остаешься один на один с лесом, и когда он начинает окружать тебя шорохами и потрескиваниями.

Неожиданно деревья расступились, и он вышел на поляну. Небольшая круглая полянка, какие ему уже попадались, — но в центре этой стоял большой красный джип, заляпанный грязью. Возле него суетились несколько крепких коротко стриженных ребят. Андрей, не помня себя от радости, поспешил к ним. Когда он был уже в двух шагах от машины, они заметили его. Под недружелюбными взглядами Андрей остановился и вдруг заметил, что ребята клали в машину автоматы, а в руках у крайнего слева — пистолет с глушителем. И этот крайний, в зеленом спортивном костюме, казалось, смотрит на него и думает, что надо бы этого свидетеля...

Странно, но это не испугало его. Им неожиданно овладело какое-то безразличие к своей судьбе. "Дайте пожрать", — неожиданно для себя сказал Андрей. Ребята заколебались. Наконец тот, что стоял справа, в штанах цвета

хаки, быстро повернулся и пошел к машине. Он вернулся с большим куском колбасы и ломтем белого хлеба. После прочтения "Розы Мира" Андрей хотел и пытался стать вегетарианцем, но сейчас эти двести грамм сырокопченой колбасы показались ему божественным нектаром. "Держи", — парень в хаки протянул Андрею стакан, до половины заполненный белой мутной жидкостью. Теплая водка обожгла горло, дошла до желудка и почти мгновенно заструилась по жилам в виде охватывающего все тело тепла и слабости.

Когда он закончил с колбасой, ребята уже сидели в машине. Зашумел двигатель, джип рывком тронулся с места и, набирая скорость, скрылся среди деревьев. Андрей было рванулся остановить их и спросить дорогу, но сообразил, что легко выйдет по следам, лег под молодым дубом и уснул.

После этой встречи он, непонятно почему, сильно воспрянул духом. Может, потому, что сделал вывод: "Ни один волос не упадет с головы вашей без Божьего ведома". Но сегодня ему снова было тяжело. Прошлой ночью был дождь, и он два часа шел промокший, пока не нашел укрытия. Сейчас Андрей чувствовал, что он простыл, и если сегодня не переночует в теплом месте, то может серьезно заболеть. "Нет, пора домой, — внезапно решил он. — Завтра начну пробираться в родную сторону". От этой мысли стало теплее, и Андрей веселее зашагал по дороге.

На небе уже поднималась луна, когда он вошел в деревню. Село было небольшим, домов в тридцать, но какое это, в сущности, имело значение? Увы, он прошел десять домов, и везде его ждало разочарование — никто не желал пускать в дом бродягу, пускай и верующего. В одиннадцатом доме долго не открывали. Собака уже начала хрипеть, когда сердитый мужской голос крикнул:

— Кто?

— Пустите богомольца переночевать, — жалостливо начал Андрей. — Больной совсем...

— Проваливай, — лениво ответил голос. Потом добавил уже кому-то рядом: — Богомалец, видишь, объявился.

— Давай отседа, — закричал он опять Андрею, — Не то псину спущу.

Хлопнула дверь. Андрей, обессиленный, присел под забором. Из глаз потекли слезы. "Сволочи, — пробормотал он. — Ведь можно так и подохнуть, а никто и не пошевелится". Через несколько минут замолкла уставшая собака. Андреем овладела апатия. Он как бы спал, и в то же время понимал, где он и что с ним.

Неожиданно скрипнула калитка. "Тихо, ты", — прикрикнул кто-то заворчавшему псу. Затем добавил: "Странник, ты здесь еще?".

"Голос женский", — мелькнула мысль.

— Здесь я, — слабо ответил он.

При свете луны Андрей увидел, как над ним склонилось сморщенное старушечье лицо.

— Пойдем, — тихо сказала старуха.

Пес несколько раз твякнул, но она снова цыкнула, и он замолчал. По выложенной камнем тропинке они дошли до небольшого каменного сарая.

— Заходи, — толкнула противно заскрипевшую дверь бабка.

Проход был низкий, и Андрею пришлось сильно пригнуться, чтобы зайти. Старушка зажгла лампу и села на лавку.

— Ешь, — кивнула она на стол, где стояли две тарелки с огромными пирожками и маленькими голубцами.

Андрей сел и живо набросился на яства. Через минут десять он, довольный, смотрел на остатки пищи, приятно сознавая, что не сможет съесть уже ни кусочка. Бабка ушла и вернулась со стаканом крепкого чая в подстаканнике, какие дают в поездах.

Вместе с чаем Андрею удалось вместить в себя еще один пирожок с творогом. После этого он устало откинулся на стенку, с благодарностью глядя на старуху.

— Ты и вправду богомалец, аль так сказал? — строго спросила старуха.

— Правда, — кивнул Андрей.

— Из новых, что ль, бабтихстов?

— Чего? — обиделся Андрей. — Из православных я.

(Он не был даже крещен.)

— Господи, и развелось же мерзости, — перекрестилась старуха. — И куда направляешься, богомалец?

— А уже домой, — вздохнул Андрей. — Погулял я, бабушка, пора и домой.

— И много храмов божьих посетил?

— Много, да не все церкви храм.

Бабка покачала головой, видимо, осуждая его последние слова.

Помолчали. Почувствовав, что должен смягчить тяжесть последних слов, Андрей задумался, вспоминая все, что увидел в последнее время.

— В Медвежьем церковь хорошая, — тихо ответил он.

Глаза у старухи потеплели.

— Верно. Я сама в Медвежье все прошу Васю ездить. А он — далеко, далеко. А все равно, хоть раз в месяц, а бываем. Отец Василий всегда такой спокойный, хоть и строгий. Кажется, каждый день ходила бы его слушать.

Глаза старухи увлажнились.

— Слава Христу Спасителю, — быстро перекрестилась она. И вдруг заплакала. — Спасибо, Господи, что не оставил рабу твою.

Она еще несколько раз всхлипнула и успокоилась.

— Ведь как церковь в Ильичах восстановили, так Марфа мне и говорит, — объясняла она Андрею, — что, дескать, вера воскресает. А я ей говорю: "Нет, говорю, посмотри, кто сейчас из верующих остался? Мы с тобой да дед Пантелей. Молодые сейчас в иноземную веру ударились". Как у Нади дочка из города приехала и говорит: "Я верующая, но бабтихстка". Тьфу, мерзость какая. А сейчас, видно, сам Господь направил тебя, сердешный, ко мне, дабы могла я от безверия прозреть. Ведь сколько лет мне было, как последний богомолец в ворота к нам стучался? Мать покойница жива была еще.

Старуха снова заплакала.

Утром с первыми петухами она выводила его к калитке.

— Прощай, сердешный, — прижала она его голову к груди трясущимися старческими руками. — Прости, коль что не так, поминай Степаниду в своих молитвах.

— Спасибо, — только и сказал Андрей и, чувствуя, что надо сказать что-то еще, быстро добавил:

— Благослови тебя Господь.

А потом повернулся и быстрым шагом пошел через село. На душе было легко и весело.

Он смутно сознавал, что эта вчерашняя встреча не случайная, и ради этой несчастной заброшенной старухи, может, и было задумано это его богомолье. Сердце начинало биться быстрее, когда думал он о том, что скоро увидит Надю и услышит захлебывающийся смех малого. Всю дорогу у него в душе звучала музыка, которую помнил еще с детства, и которая, как он недавно узнал, была восьмой частью последнего произведения великого Моцарта.

К вечеру Андрей пришел на автобусную станцию в село Лучистое. Его автобус уходил через час. За этот час он купил бритву и в кустах у лужи с большим трудом сбрил бороду. Потом позвонил домой.

— Я слушаю, — услышал он Надин голос после третьего гудка.

— Это я, — тихо сказал он. — Буду сегодня, часов через пять.

— Хорошо, — ему показалось, что ее голос дрогнул.

Всю дорогу он мучительно подбирал слова, какими сможет объяснить Наде все, что заставило его вдруг сорваться в это непредвиденное путешествие. В конце концов, он плюнул и попытался думать о другом, но не смог, и через несколько минут уже снова спорил и доказывал.

Домой Андрей приехал, когда стемнело. Родной звонок отозвался целой серенадой в его душе. Надя открыла дверь почти мгновенно. Как и год назад, он забыл зайти, и она сама подошла и прижалась к его изрезанной щеке.

— Ты не сердисься? — спрашивал он через два часа, когда она, лежа у него на груди, осторожно проводила пальцем линии на его животе.

— Сердятся — это когда чашку разбил, — тихо сказала Надя.

Андрей едва не заплакал.

— Я, честно говоря, была не в себе некоторое время. Я ведь ничего и придумать не могла, ты мне толком ничего не объяснил. Хорошо, что Валера зашел на третий день, глаза мне открыл. "Он, — говорит, — грехи наши пошел замаливать". Потом рассказал, что он испытал, когда в первый раз "Розу Мира" прочел. Я, кстати, ее сейчас читаю. Потом ходил каждый день, успокаивал меня, ведь больше никто не знает, мне и поделиться не с кем. Мать через день звонила, я устала придумывать, где ты. А Валере позвони завтра, а то он в рейс из-за тебя не пошел. Все хочет поговорить с тобой. Он о тебе так лестно отзывался, что мне уже самой начало казаться, что все так и должно было быть.

— Не сердись, — еще раз тихо сказал Андрей.

— Ты только скажи, ты еще будешь уходить?

— Нет, — погладил он ее по голове. — Не знаю, что еще точно я сделаю, но думаю, что ничего особенного. Для просветленной горы остались горами, а камни камнями.

И сейчас, сидя на балконе, Андрей радостно смотрел на звезды и думал, что вот так, постепенно, с самого детства, незаметно для себя шел он выше и выше, вверх по склону холма, чтобы сейчас наступить на первую ступень, ведущую в небо, и отсюда начать свое долгое восхождение.